

Галина Ивановна ДАНИЛИНА¹
Ольга Викторовна ХАВРАЛЁВА²

УДК 82.0

**«СПОР О РОССИИ» В КНИГЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА
«ИСКУШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ» (2009):
ТРАДИЦИЯ И ДИСКУРС**

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
gdanilina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0100-0948

² аспирант 4 года обучения, ассистент
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
olya.havraleva@yandex.ru

Аннотация

В статье изучается литературно-критическое наследие современного писателя-историка Владимира Шарова (1952-2018), которое только начинает осваиваться в науке. В центр внимания поставлена актуальная теоретико-литературная проблема взаимосвязи жанровой и дискурсивной традиции при анализе текстов в парадигме постмодернизма. Методологической основой исследования выступает мысль М. М. Бахтина о разделении композиционных и архитектурных форм в литературном произведении, открывающая новое соотношение диахронического и синхронического подходов.

Исследование выполняется на материале книги В. Шарова «Искушение революцией» (2009), а также некоторых метатекстов XIX в. (П. Я. Чаадаев, Н. И. Надеждин, В. Г. Белинский). Предмет исследования — исторический нарратив В. Шарова и его дискурсивные характеристики.

Цитирование: Данилина Г. И. «Спор о России» в книге Владимира Шарова «Искушение революцией» (2009): традиция и дискурс / Г. И. Данилина, О. В. Хавралёва // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 4 (20). С. 98-111.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-98-111

Выявляемые в процессе анализа содержательно-смысловые, лексико-грамматические и стилистические особенности книги В. Шарова указывают, как раскрывается далее, на ее близость к дискурсу «спора о России», сложившемуся в XIX в. (дискуссии вокруг «Первого философического письма» П. Я. Чаадаева). Проводится их сопоставительный анализ, что приводит к центральному выводу: на уровне внешних, композиционных форм текста дискурс В. Шарова оформляется как часть традиции исторического романа, а на уровне архитектоники имплицитно отсылает к дискурсу «спора о России» и строится как его продолжение, как полилог.

Отсюда следует, что традиция жанра и традиция дискурса взаимодействуют в книге В. Шарова амбивалентно, и это фиксируется в самой структуре нарратива: дискурс организует архитектонику, жанр — композиционное единство текста.

Итоговый тезис авторов: форма рецепции классического наследия, представленная в книге В. Шарова «Искушение революцией», намечает дополнительные возможности для исследования его исторических романов. Это новая и творческая форма актуализации русской классики, созданная писателем и составляющая отличительную особенность его дискурса.

Ключевые слова

Композиционная и архитектурная форма, жанр исторического романа, исторический нарратив, В. А. Шаров, «Искушение революцией», дискурс «Спор о России», рецепция классики, литературная традиция, П. Я. Чаадаев.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-98-111

Введение

Владимир Александрович Шаров (1952-2018) — известный современный писатель, отмеченный литературными наградами и высоко оцененный научной общественностью; пишут о нем пока немного [3, 4], но уже есть и диссертации, посвященные некоторым его романам [16]. Одна из проблем изучения прозы В. А. Шарова — это проблема контекста: в какой традиции работает автор, на каких предшественников ориентируется? По сути, это вопрос о том, как следует строить соотнесение его текстов с синхронным и диахронным контекстом, чтобы эстетическая новизна его творческого дискурса раскрылась по возможности точнее. Рассмотреть взаимосвязь традиции и дискурса — цель данной статьи, определяющая направление нашего исследования.

Методологически мы будем исходить из мысли М. М. Бахтина о разграничении композиционных и архитектурных форм в литературном произведении [2]. Эта замечательная бахтинская идея многопланово рассмотрена в теоретической [20] и исторической [7] поэтике, предметно описывается и сегодня [6]. Для нас эта бахтинская мысль особенно значима, поскольку открывает новое соотношение синхронического и диахронического подходов при изучении литературной традиции.

В. А. Шаров — историк-медиевист, много писавший о русской истории разных эпох, начиная с XVI в. и вплоть до наших дней. Одна из главных для него тем — формирование русского религиозного менталитета и его роль в истории России. Под знаком этой темы в романах В. А. Шарова осуществляется литературная рецепция крупных исторических событий («Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Возвращение в Египет» (2013)). Тем самым традиция жанра, в котором работает писатель, казалось бы, ясна — это исторический роман, представленный в классических для русской литературы именах и текстах, таких как «Война и мир», «Петр Первый», «Тихий Дон», «Архипелаг ГУЛАГ».

Однако продуктивность такого подхода вызывает сомнения, поскольку В. Шаров — автор ярко современный, работающий в парадигме постмодернизма, с ее недоверием к масштабным концепциям истории и отрицанием «больших нарративов». Историков он называет картографами и скептически смотрит на их способность докапываться до истины и хранить ей верность: «Историки не перевелись, живы до сих пор потому, что они и есть такие картографы, топографы... Поначалу мы бодро, полные надежды, отправляемся в дорогу, но путь снова и снова оказывается чересчур долог, труден. К счастью, историки — тоже люди, и стоит на них чуть нажать, объяснить, что народ притомился, они с готовностью входят в положение» [26, с. 236].

Основная часть

Чтобы увидеть отчетливей соположение традиции и дискурса в историческом нарративе В. Шарова, обратимся к его статьям и эссе, создававшимся на протяжении 20 лет и собранным в книгу «Искушение революцией» (2009). Книга отражает движение мысли писателя, его магистральные тезисы и идеи, и имеет тем самым обобщающий характер.

Между тем своя концепция русской истории у В. Шарова, безусловно, есть, и суть ее в следующем. В 1520-1530 гг. монастырский старец Филофей выдвигает идею «Москва — Третий Рим» («Москва — Новый Иерусалим») и этим «ставит русскую историю в центр мира»: русская земля трактуется как новая Святая земля, а русский народ — как «единственный независимый народ, сохранивший истинную веру» [26, с. 16-17]. Так монастырские книжники, Филофей и его последователи, «вольно или невольно соблазнили, искусили верховную власть революцией. Именно после них в России революция „сверху“ навсегда вошла в арсенал верховной власти» [26, с. 19].

Отсюда история России в концепции В. Шарова трактуется как цепь катаклизмов — «верховых революций», повсеместно разрушающих политику, природу, культуру.

Вот идея революционного слома в политике: «Через полтора века после Грозного на *полный слом государственного устройства* пошел Петр; еще через два века — Сталин...» [26, с. 19]. «...то же *полное отрицание предшествующего развития страны*» [26, с. 150].

В природе: *«Подчистую срыть горы и оставшейся породой засыпать овраги, впадины и болота так, чтобы вся земля превратилась в одно ровное, удобное для пахоты поле»* (по книге Н. К. Федорова «Философия общего дела») [26, с. 34].

В языке культуры: *«Смыслы же смяли, разрушили этикет, который раньше существовал между словами. ...Вообще изничтожили литературу как изящную словесность, уничтожили правила и законы, по которым такая литература жила»* [26, с. 53-54].

Как видим, русская национальная традиция в рецепции В. Шарова отличается не сохранением и преемственностью исторического опыта, а его кардинальным разрушением. Теперь, чтобы выявить сами принципы организации дискурса у В. Шарова, воздержимся от идеологических оценок данной концепции российской истории и рассмотрим, как она высказывается, то есть каким образом она представлена в нарративе.

Итак, согласно концепции В. Шарова, отдельные правления и царства в истории России не связываются в единство, а конфликтуют между собой, отрицают ценность предшествующих исторических периодов. И отметим: очень интересно и вместе с тем творчески закономерно, что само содержание этой исходной мысли автора, ориентированной на разрыв и противопоставление, задает структуру ее вербализации в тексте: нарратив оформляется не логически последовательно, а как ряд разноуровневых бинарных оппозиций.

В частности, говорится о *двух традициях русской революционности* — народной и другой, идущей непосредственно от верховной власти. Отсюда в России не один, а *два народа*, которые «боялись и ненавидели друг друга». При этом на революцию «с самого начала было *два взгляда*, внешний и внутренний», и в исторической науке подходы «сводимы к *двум основным направлениям*». И в целом в России всегда было «*два понимания пути жизни*».

Как видим, с помощью бинарных оппозиций формируется «скелет» нарратива, сама его структурная основа. Ею в свою очередь задается интонация повествования: принципу оппозиции в строе мысли интонационно соответствует принцип дискуссионности в стиле изложения, и нужно указать на единство в этом плане интонационного строя всех текстов книги.

Тон дискуссии реализуется несколькими путями. Это открытое выражение несогласия с чужими точками зрения; спор с ними; их конфликтное соположение, вплоть до прямого столкновения; со- и противопоставление. При этом используется лексика, акцентирующая дискуссионность обсуждаемых тезисов («*коренное противоречие русской истории*», «*взаимоисключающие претензии*»), их критическую оценку, отрицание результативности («В жизни государственно-юридической школы есть один *странный факт. Она не сумела объяснить...*»).

Нередки и иронические, а также саркастические замечания как способ выразить несогласие, жестко оспорить то или иное мнение. Автор использует яркие парадоксальные формулировки, подчеркивающие полемичный характер его дискурса: «В XIX веке немцы обрусели в том смысле, что стали говорить по-французски и приобрели крепостных» [26, с. 164].

Отсюда закономерно, что писатель предпочитает работать с такой фигурой речи, как антитеза. Структурный принцип бинарных оппозиций и стиль дискуссионности предзадают этот нарративный прием как главный в книге, смысло- и структурообразующий. В. Шаров применяет антитезу творчески выразительно и исключительно широко, в самых разнообразных функциях и значениях.

Антитеза выносится уже в названия эссе: «Между двух революций», «Конфликт цивилизаций: подводная часть», «Столица и провинция: два пути понимания жизни», «О прошлом настоящего и будущего».

Далее, видим антитезу в грамматико-синтаксических конструкциях, акцентирующих противопоставление. Знаменательно, что в тексте их по-настоящему много; они оформляют повествование в нарративное целое, встречаются практически на каждой странице. Вот наиболее типичные: «Это был взгляд, с одной стороны... а с другой...»; «Книжники, наоборот, поставили...»; «Считается, что... Мне, однако, кажется...»; «Возможно, они... И все же...»; «Все концепции не только противоречат источникам, но и не могут объяснить...».

Антитеза часто появляется и в отдельных образах и метафорах. При этом самая высокая частотность антитезы обнаруживается в нарративных фрагментах, содержащих рассуждения писателя о России в целом (они составляют наиболее объемную часть текста) — России как национальном государстве и социально-политической реальности, имеющей многовековую историческую традицию. Здесь также отчетливо проступает разнообразие видов антитезы.

Она появляется в характеристике социальных процессов: «...и чем дальше расходились правительство и народ, тем быстрее совершенствовалась государственная машина» [26, с. 167].

В оценках национального самосознания: «Понимание себя как святого народа и своей земли тоже как святой придало русской истории уникальное чувство правоты и, соответственно, неправоты тех, кто становился у нее на пути» [26, с. 27].

В характеристике сословий: «Русское дворянство — дворянство беженцев и ренегатов» [26, с. 160].

В характеристике исторических личностей: «...то падший ангел, то просто злодей, то возвышенный и пронизательный ум, то ограниченный человек» (об Иване Грозном в оценках Н. К. Михайловского) [26, с. 178].

Антитезы включены и в автохарактеристику: «Я принадлежу к людям, которые считают, что слова нужны, чтобы что-то сказать, а не умолчать» [26, с. 207].

И также антитезы участвуют в сопоставлениях России с другими странами: «Если в Западной Европе народ достиг некоего компромисса со своей властью, если на Востоке власть сумела подавить свой народ, то в России отношения между народом и властью строились на иной основе» [26, с. 167].

Этот последний тезис особенно значим. Он не просто выражает мысль писателя, но и коннотативно отсылает к давнему и, казалось бы, устаревшему, прочно забытому тексту XIX столетия — «Первому философическому письму» (1836) Петра Яковлевича Чаадаева.

В письме философа П. Я. Чадаева, напомним, ультимативно провозглашается, что у России нет ни своей истории, ни культуры, ни традиций, ни религии, ни даже национального характера: «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых» [23, с. 323].

Автор «Первого философического письма» чрезвычайно критически отзывается о русском народе. Приведем еще несколько знаменательных цитат: «Дело в том, что *мы никогда не шли вместе с другими народами*, мы не принадлежим... ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» [23, с. 323].

П. Я. Чадаев за свои высказывания преследовался царской властью, был объявлен сумасшедшим и лишен возможности заниматься литературной деятельностью.

А теперь читаем у В. Шарова (цитируем в сокращении): «Почти все идеи были заимствованы из-за границы, искусственно пересажены на русскую почву: реформы Петра I от разведения шелкопряда и строительства флота в Воронеже; англomanия и франкомания русского дворянства; восстание декабристов и восстановление вслед за Германией традиционного национализма Сталиным» [26, с. 159]. И также еще более резко указывается В. Шаровым на отсутствие у русской истории самобытного начала. Как можно видеть, у В. Шарова здесь звучит тот же, в духе П. Я. Чадаева, негативный и остро полемический смысл.

«Первое философическое письмо» П. Я. Чадаева, по словам А. И. Герцена, «прогремело подобно выстрелу из пистолета глубокой ночью» [8, с. 189] и вызвало, как известно, острейшие дискуссии в российском обществе между славянофилами и западниками, среди которых были философы, писатели, поэты, литературные критики — все, кого волновала проблема пути, по которому должна идти Россия.

Сравнение высказывавшихся в течение ряда десятилетий суждений, отражавших самые разные и противоборствующие точки зрения, показывает тем не менее, что было многое, их объединявшее.

Это, во-первых, противопоставление России Западу как общая смысловая и структурная основа. Так, Ф. М. Достоевский писал: «Россия... есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее» [10, с. 43].

Во-вторых, прозвучало убеждение, что русская история вершилась царями, а не народом: «Мы имеем блистательные страницы истории, — восклицал Н. И. Надеждин. — Но разве это история наша? Разве это история русского народа? Нет! это история государства Русского, это история царей русских!» [12, с. 595].

И третий репрезентативный момент, объединяющий П. Я. Чадаева и его оппонентов, — это идея исключительности России, ее мессианского предназначения. Посмотрим на высказывания:

- П. Я. Чадаев: Мы, русские, «живем, чтобы преподать великий урок миру» [23, с. 326];

- А. С. Хомяков: «...Мы — центр в человечестве европейского полушария», и в этом заключается «таинственное предназначение России» [22, с. 450];
- К. С. и И. С. Аксаковы: «Россия должна решительно отказаться от слепого копирования иноземных порядков и норм жизни и пойти вперед своим самобытным, независимым путем»; «здесь ее ожидают невиданные свершения и великие миссии: спасти человечество от бездуховности и нравственного вырождения» [1, с. 8].

Своего рода итогом этой идеи, ее квинтэссенцией стал, как известно, образ «народа-богоносца» у Ф. М. Достоевского [11, с. 294].

Важно отметить, что объединяет участников дискуссии, при всей антинормативности их точек зрения, и собственно нарратив, принципы и приемы его организации. Материалы дискуссий носят характер именно дискуссионный: это не цепь монологов, а, напротив, открытый полилог, создаваемый множеством голосов.

Можно реконструировать ход дискуссии как борьбу мнений, постепенно складывающую становление дискурса и его развитие в спорах.

Сначала: «У нас нет традиций, нет истории, нет культуры» (П. Я. Чаадаев); «У нас нет литературы» (В. Г. Белинский), «У нас нет поэзии, нет русского языка» (Н. И. Надеждин).

Затем: «У нас есть история» (Н. И. Надеждин); «Предназначение России», «Русская идея», «Русская душа» (А. С. Хомяков); «Русский характер» (Н. Г. Чернышевский); «Всемирная отзывчивость русского человека» (Ф. М. Достоевский).

Сами тексты выразительно демонстрируют свою дискурсивность — как правило, это критические журнальные статьи, оспаривающие противников, открытые письма и ответы на них, имеющие конкретных адресатов и содержащие несогласие с их суждениями. Здесь можно отметить и идейную борьбу «толстых» журналов «Современник» и «Москвитянин», редакторами которых являлись «западник» В. Г. Белинский и «славянофил» Ю. Ф. Самарин соответственно; литературную деятельность журнала «Телескоп», где П. Я. Чаадаев опубликовал свое письмо, и мн. др.

Литературовед Ю. В. Манн отмечал, например, что статья «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (1834) В. Г. Белинского, в которой прозвучал знаменитый тезис «у нас нет литературы», породивший дальнейший дискурс, была написана, возможно, как ответ Н. И. Надеждину, словно некое продолжение разговора, начатого ранее [15, с. 59].

Н. И. Надеждин, в свою очередь, косвенно опроверг В. Г. Белинского, написав: «у нас существует сомнение, идет спор: „есть ли в нашем отечестве литература?“ По-видимому, не следовало бы и обращать внимание на *парадокс*, состоящий в таком *ярком противоречии* с действительностью...» [18, с. 394].

Полемический тезис В. Г. Белинского оказался парадоксально продуктивным, как мы увидели, так как вызвал дискуссию настолько острую, что в сознании его современников оформилась потребность обозначить русскую литературную традицию, установить ее.

А затем Н. И. Надеждин начинает злободневно размышлять не только о литературе, но и о русской действительности и ее проблемах (цитируем в сокращении): «Ужели тот... кто с *прискорбием* видит, что у нас *нет своеземного, родного образования*, что наш роскошный, великолепный язык *ноет и чахнет под игом чуждого рабства*, что наша словесность жалко *пресмыкается* во прахе низкого, убийственного *подражания*... кто с негодованием видит, что у нас *нет ничего своего, нет даже русской грамматики, не только русской философии...*» [18, с. 396].

Статья Н. И. Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (1828) при этом выстроена в форме диалога двух спорящих о литературе и ни в чем между собой не согласных лиц (в одном из них можно узнать самого Н. И. Надеждина, а в другом — его известного оппонента, поэта А. С. Пушкина). Н. И. Надеждин критикует поэму «Руслан и Людмила», не называя ни ее, ни автора. Вместо этого он использует уничижительный пафос, придумывает оппоненту фамилию «Тленский», который приводит строчки из поэмы как свой аргумент.

Закономерно, что и в данной статье, и в упоминающихся выше последовательно используются противопоставление, тезисы и контртезисы, а самая распространенная риторическая фигура — это антитеза.

Результаты

Итак, можно утверждать, что к концу XIX столетия сложился самостоятельный литературно-критический и литературно-философский дискурс, который можно определить как «спор о России» [21], и к нему отчетливо апеллируют тексты В. Шарова, апеллируют во многих отношениях — содержательно, структурно, стилистически.

Если смотреть на существо дела, то нельзя не увидеть, что в своей книге «Искушение революцией», размышляя о «верховых революциях» и заимствованиях из западной культуры, о православной центрации России по отношению к миру, В. Шаров высказывает не собственные, оригинальные исторические идеи, а манифестирует уже сказанное в XIX в. в ходе дискуссий вокруг письма П. Я. Чаадаева. При этом он подчеркнуто не называет ни одно из соответствующих имен. П. Я. Чаадаев, К. С. и И. С. Аксаковы, Н. И. Надеждин, В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский — никто из них не упоминается, а названы и активно включены в обсуждение темы исключительно ученые-историки (К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров и др.). И в свете вопроса о нарративе мы также можем зафиксировать актуализацию у В. Шарова споров о России как традиции дискурса.

Противопоставление, антитеза, акцент на критическом обсуждении чужих точек зрения, выдвижение аргументов как контртезисов по отношению к иным мыслительным установкам — все эти нарративные приемы отчетливо говорят о сближении дискурса В. Шарова с указанной традицией, хотя сам автор оставляет это в тени, на уровне подтекста. И то, что В. Шаров, не называя соответствующих авторов и текстов, вступает в пространство данного дискурса и смысловой ин-

тенцией, и всем строем своего нарратива, определяет его способ вести разговор с русской классикой как с традицией «больших» исторических нарративов.

Важно сказать также, что это глубоко своеобразная рецепция русского классического наследия: дискурс споров о России предстает у В. Шарова в остро полемическом свете и на уровне содержательных смыслов по сути негативируется, поскольку в нем нет ни грана мессианских настроений; «народ-богоносец» и тому подобные «положительные ценности», с их скрытыми властными механизмами, принципиально отсутствуют. Наоборот даже, писатель парадоксально переворачивает эти идеи («если Бог есть, то всё дозволено» и т. п.). Прошедшее со времен Ф. М. Достоевского столетие, ознаменовавшееся глобальными историческими катастрофами, очевидно, уже не допускает такого рода ориентиров. Так, Лидия Чуковская, обдумывая в середине 1970-х гг. крушение идейных ориентиров прошлого, записывает в своем дневнике: «Достоевский видел гнусные стороны социализма — от этого метнулся к народу, царю, православию. Герцен видел опасности социализма, марксизма, нечаевщины — от этого метнулся к народу, общине — но перед религией устоял. Во что же верить нам, пережившим „эпоху войн и революции“ — и терроров? В Бога — не могу. В миссию русского народа — не способна» [24, с. 413].

И тем не менее всем характером своего обращения с традицией В. Шаров демонстрирует, насколько ему важны классические, «большие» исторические нарративы; а значит, не только традиция жанра исторического романа, к которой открыто отсылает его художественная проза, но и традиция дискурса «Спора о России», имплицитно включенная в его слог и стиль, с его поэтикой и символикой, системой смысловых шифров и риторических фигур, определяет своеобразие его творчества.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиция жанра и традиция дискурса взаимодействуют в книге В. Шарова амбивалентно, что проявляется в самой структуре нарратива: дискурс организует архитектонику, жанр — композиционное единство текста.

Заключение

«История — нескончаемый спор», — подчеркивал выдающийся историк-медиевист А. Я. Гуревич [9]. Безусловно, объектом споров выступает и литературная традиция: «...Здесь не выработано еще основное понятие и не произведена точная систематизация входящих сюда явлений», — отмечал Д. С. Лихачев [13, с. 37]. Ученый также подчеркивал: «Традиция только тогда традиция, когда она сама передвигается во времени — не только сохраняет, но и делает традиционное применимым в новой исторической обстановке» [14, с. 277].

Со своей стороны, исследовательница Л. И. Сазонова изучает традицию как «память культуры» и выявляет, как многоаспектно она переосмысливается со временем, предвстая в самых разных формах. Например: «Мифологема Русь охватывает этническое, историческое, культурное пространство, включает в себя комплекс идей, относящихся к будущему и прошлому, истории и культуре, самосознанию русского человека» [19, с. 249].

А. В. Михайлов в своей работе о рецепции классики в переходные литературные эпохи (к которым ученые относят и рубеж XX-XXI вв.) утверждает, что нельзя видеть в классике «некий неизменный свод образцов или идеалов», поскольку «классическое наследие меняется и претерпевает метаморфозы», «оно есть нечто движущееся», и возникает «борьба за наследие как элемент нашей живой истории, нашего самопознания в этой истории» [17, с. 19].

Рецепция классического наследия, представленная в книге В. Шарова «Искушение революцией», намечает дополнительные возможности для изучения его исторических романов. Это новая современная форма актуализации русской классики, продолжающая ее творческую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков; сост., вступит. статья и комментарии А. С. Курилова. М.: Современник, 1982. 383 с.
2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 томах. М.: Изд-во «Русские словари»: Языки славянской культуры, 2003. Том 1. Философская эстетика 1920-х годов. С. 266-325.
3. Баль В. Ю. Гоголевская традиция в контексте ветхозаветного сюжета «Исхода» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» / В. Ю. Баль // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 13-20.
4. Баль В. Ю. Идея национального возрождения в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем / В. Ю. Баль // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3. С. 41-54.
5. Белинский В. Г. Литературные мечтания (элегия в прозе) / В. Г. Белинский // Собрание сочинений. М., 1958. Том 1. Статьи и рецензии. С. 7-91.
6. Бердник Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении / Е. С. Бердник // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2014. № 2 (4).
URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1003> (дата обращения: 20.11.2019).
7. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы: учеб. пособие: в 2 томах. М.: Академия, 2004. Том 2. 368 с.
8. Герцен А. И. Полное собрание сочинений в 30 томах / А. И. Герцен. М., 1959. Том 18. 752 с.
9. Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор / А. Я. Гуревич. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 889 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах / Ф. М. Достоевский. М.: Наука, 1981. Том 23. Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. 425 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах / Ф. М. Достоевский. Л.: Наука, 1982. Том 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь — декабрь. 520 с.
12. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. / М. К. Лемке. Изд. 2-е, С. В. Бунина. СПб., 1909. 614 с.
13. Лихачёв Д. С. Избранные работы / Д. С. Лихачёв. Л., 1987. Том 1. 656 с.

14. Лихачёв Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачёв. М., 2000. 440 с.
15. Манн Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. М., 1998. 381 с.
16. Меладшина Ю. В. Гоголевский текст в романе В. А. Шарова «Возвращение в Египет». Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго): дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Меладшина. Пермь, 2019. 228 с.
17. Михайлов А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII-XIX веков / А. В. Михайлов // Обратный перевод. М., 2000. С. 19-33.
18. Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год / Н. И. Надеждин // Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 47-66.
19. Сазонова Л. И. Память культуры: наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Л. И. Сазонова. М., 2012. 472 с.
20. Тамарченко Н. Д. Архитектоника / Н. Д. Тамарченко // Позтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Интрада, 2008. С. 24-25.
21. Хавралёва О. В. Тема России в русском литературно-критическом дискурсе XIX века: магистерская диссертация / О. В. Хавралёва. Тюмень, 2015. 100 с.
22. Хомяков А. С. Несколько слов о «Философическом письме» / А. С. Хомяков // Сочинения в 2 томах. М., 1994. Том 1. Работы по историософии. 592 с.
23. Чаадаев П. Я. Философические письма / П. Я. Чаадаев // Полное собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Том 1. 800 с.
24. Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания / Л. К. Чуковская. М.: Время, 2014. 736 с.
25. Шаров В. А. Возвращение в Египет: роман в письмах / В. А. Шаров. М., 2015. 759 с.
26. Шаров В. А. Испытание революцией (русская верховная власть): эссе / В. А. Шаров. М., 2009. 240 с.
27. Шаров В. А. Репетиции: роман / В. А. Шаров. М., 2009. 336 с.

Galina I. DANILINA¹
Olga V. KHAVRALEVA²

UDC 82.0

**“THE DISPUTE ON RUSSIA” IN THE BOOK
“TEMPTATION BY THE REVOLUTION” (2009)
BY VLADIMIR SHAROV: TRADITION AND DISCOURSE**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian
and Foreign Literature, University of Tyumen
gdanilina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0100-0948

² Postgraduate Student, Assistant, Department of Russian
and Foreign Literature, University of Tyumen
olya.havrалеva@yandex.ru

Abstract

This article examines the literary and critical heritage of Vladimir Sharov (1952-2018), a contemporary writer and historian. When analyzing his texts in the postmodern paradigm, the authors focus on the urgent literary-theoretical problem of the relationship between genre and discursive traditions.

The methodological basis of this research includes M. M. Bakhtin's idea of separating compositional and architectonic forms in a literary work that opens a new correlation of diachronic and synchronous approaches.

The research is based on the book “Temptation by the Revolution” (2009) by Vladimir Sharov, as well as on some metatexts of the 19th century. (P. Ya. Chaadaev, N. I. Nadezhdin, V. G. Belinsky). The research subject is Sharov's historical narrative and its discursive characteristics.

The authors show that substantive-semantic, lexical-grammatical, and stylistic features of V. Sharov's book revealed by the analysis indicate its affinity to the discourse of the “dispute on Russia” that developed in the 19th century (discussions around the “First Philosophical

---

Citation: Danilina G. I., Khavrалеva O. V. 2019. ““The Dispute on Russia’ in the Book ‘Temptation by the Revolution’ (2009) by Vladimir Sharov: Tradition and Discourse”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 4 (20), pp. 98-111. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-98-111

Letter” by P. Ya. Chaadaev). A comparative analysis results in the main conclusion: at the level of external, compositional forms of text, V. Sharov’s discourse is formed as a part of the historical novel tradition, and at the level of architectonics, implicitly, refers to the discourse of the “dispute on Russia” and is built as its continuation, as a polylogue.

It follows that the genre tradition and the discourse tradition interact in the book of V. Sharov ambivalently, and this is fixed in the structure of the narrative itself: the discourse organizes architectonics, the genre organizes the compositional unity of the text.

The authors believe that the form of the classical heritage reception presented in the book “Temptation by the Revolution” by Vladimir Sharov, outlines additional opportunities for the study of his historical novels. This is a new and creative actualization form of Russian classics, produced by the writer and constituting a distinctive feature of his discourse.

Keywords

Compositional and architectonic form, historical novel genre, historical narrative, V. A. Sharov, “Temptation by the Revolution”, discourse “Dispute on Russia”, reception of the classics, literary tradition, P. Ya. Chaadaev.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-4-98-111

REFERENCES

1. Aksakov K. S., Aksakov I. S. *Literary Critique*. Compiled, introduction and notes by A. S. Kurilova. Moscow: Sovremennik. [In Russian]
2. Bakhtin M. M. 2003. “The problem of content, material and form in verbal fiction”. In: Bakhtin M. M. *Collected Works in 7 vols. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s*, pp. 266-325. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul’tury. [In Russian]
3. Bal V. Yu. 2014. “Gogol tradition in the context of the Old Testament plot ‘Exodus’ in V. Sharov’s novel ‘Return to Egypt’”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 383, pp. 13-20. [In Russian]
4. Bal V. Yu. 2015. “The idea of national revival in V. Sharov’s novel ‘Return to Egypt’: dialogue with Gogol”. *Biblioteka zhurnala “Rusin”*, no 3, pp. 41-54. [In Russian]
5. Belinskiy V. G. 1958. “Literary dreams (elegy in prose)”. In: Belinskiy V. G. *Collected Works, Vol. 1. Articles and Reviews*, pp. 7-91. Moscow. [In Russian]
6. Berdnik E. S. 2014. “Correlation of the concepts of ‘composition’ and ‘architectonics’ in literature studies”. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*, no 2 (4). Accessed 20 January 2020. <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1003> [In Russian]
7. Brojtman S. N. 2004. “Historical Poetics”. In: *Theory of Literature in 2 vols. Vol. 2*. Moscow: Akademiya. [In Russian]
8. Herzen A. I. 1959. *Complete Works in 30 vols. Vol. 18*. Moscow. [In Russian]
9. Gurevich A. Ya. 2005. *History Is an Endless Argument*. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvenniy gumanitarniy universitet. [In Russian]
10. Dostoevskiy F. M. 1981. *Complete Works in 30 vols. Vol. 23. Writer’s Diary for 1876*. May — October. Moscow: Nauka. [In Russian]

11. Dostoevskiy F. M. 1982. Complete Works in 30 vols. Vol. 24. Writer’s Diary for 1876. November — December. Leningrad: Nauka. [In Russian]
12. Lemke M. K. 1909. Nikolay’s Gendarmes and Literature in 1826-1855. 2nd edition, by S. V. Bunin. Saint Petersburg. [In Russian]
13. Likhachev D. S. 1987. Selected Works. Vol. 1. Leningrad. [In Russian]
14. Likhachev D. S. 2000. Russian Culture. Moscow. [In Russian]
15. Mann Yu. V. 1998. Russian Philosophical Aesthetics. M., 381 s. [In Russian]
16. Meladshina Yu. V. 2019. “Fogol’s text in V. A. Sharov’s novel ‘Return to Egypt’. Selected excerpts from Nikolay V. Gogol’s (the Second) correspondence”. Cand. Sci. (Philol.) diss. Perm. [In Russian]
17. Mikhaylov A. V. 2000. “The fate of classical heritage at the turn of the 18th-19th centuries”. In: Reverse Translation, pp. 19-33. Moscow. [In Russian]
18. Nadezhdin N. I. 1972. “Literary concerns for the coming year”. In: Literary Criticism. Aesthetics, pp. 47-66. Moscow. [In Russian]
19. Sazonova L. I. 2012. Memory of Culture: Medieval and Baroque Heritage in Russian Literature of the New Time. Moscow. [In Russian]
20. Tamarchenko N. D. 2008. “Architectonics”. In: Poetics: Dictionary of Relevant Terms and Concepts, pp. 24-25. Moscow: Intrada. [In Russian]
21. Khavraleva O. V. 2015. “Theme of Russia in the 19th century Russian literary and critical discourse”. Master diss. Tyumen. [In Russian]
22. Khomyakov A. S. 1994. “A few words about ‘The Letter of Philosophy’”. In: Khomyakov A. S. Written Works in 2 vols. Vol. 1. Works on Historiosophy. Moscow. [In Russian]
23. Chaadaev P. Ya. 1991. “Philosophical letters”. In: Chaadaev P. Ya. Complete Collection of Works and Selected Letters. Vol. 1. Moscow. [In Russian]
24. Chukovskaya L. K. 2014. From the Diary. Memories. Moscow: Vremya. [In Russian]
25. Sharov V. A. 2015. Return to Egypt: epistolary novel. Moscow. [In Russian]
26. Sharov V. A. 2009. Temptation by Revolution (Russian Supreme Power): Essay. Moscow. [In Russian]
27. Sharov V. A. 2009. Rehearsals: Novel. Moscow. [In Russian]